

ПРЕДИСЛОВИЕ

Только спустя восемь лет после начала издания серии “Степи Европы в эпоху средневековья” удалось подготовить том исключительно из материалов золотоордынского времени. Причин, которые ранее не позволяли его сформировать, более чем достаточно. Говорить о них в предисловии нет особой необходимости. Можно лишь отметить, что возникшие в процессе работы над проектом определенные сложности уходят своими истоками в 30-50 гг прошлого века. И хотя сложившаяся историография не отражает плавного поступательного развития знаний о Золотой Орде, их значительное накопление привело к активизации научного поиска, наблюдаемого сейчас. К одним из основных определяющих факторов в современной исследовательской практике можно отнести и взгляды той части археолого-исторического сообщества, которая считает, что монгольское господство в Юго-Восточной Европе или шире – в Евразийской Степи прямо или косвенно принесло народам, населявшим эти обширные территории, не только известные всем культурно-политические катаклизмы, но и множество прогрессивных культурных импульсов.

Говоря об актуальности исследования домена Золотой Орды и его округи (включая города и кочевую Степь) с позиций сегодняшнего дня, нельзя не вспомнить важнейшее для золотоордынской археологии мнение Г.А.Федорова-Давыдова, высказанное им в 1994 г, что золотоордынская культура “возникла как бы на «пустом месте», без длительных местных собственных основ в среде кочевников, ... а многие черты и элементы, заимствованные у разных народов, не слились достаточно органически, были соединены несколько механически, как бы «наскоро»”. Соглашаясь с этим положением в целом, заметим, что материалы новых археологических раскопок позволяют считать, что здесь далеко не все еще ясно. Так или иначе, золотоордынская культура стала своеобразным отражением удачного симбиоза двух совершенно разных миров – городской цивилизации и степной стихии кочевников со своими особыми культурой и организацией общества. Они функционировали как взаимообогащающие друг друга части единого исторического пространства. Материалы этого тома, хотя зачастую и не явно, но дают подтверждение такому общему пониманию культурогенеза Золотой Орды.

Хронологические рамки представляемого тома оказались несколько шире тех, которые принято связывать с золотоордынским временем. Объясняется это тем, что археологи в массиве широко датирующегося материала, например, XII-XIII, XIII-XIV или даже XII-XIV вв., нередко просто не решаются отделить золотоордынский пласт от половецкого и поэтому чаще всего оправданно расширяют датировку. Не потому ли исследователи нередко так и пишут, что между некоторыми памятниками кочевников XI-XII вв. и золотоордынского времени особых различий нет. Такая осторожность, хотя и не очень способствует решению многих задач, встающих перед ученым, тем не менее, выглядит гораздо более приемлемо, чем давно уже укоренившаяся в археологии тенденция искусственной абсолютизации дат наиболее выразительных комплексов. Исследователи иногда совершенно необоснованно привязывают памятники к тем или иным хорошо известным историческим событиям, в результате чего рождаются “сенсации”. Другое дело, что такое авторское видение материала оценить со стороны немедленно и верно по целому ряду причин зачастую бывает довольно трудно.

Сложившаяся ситуация не является следствием только тех проблем, которые в той или иной степени связаны с далеко еще не совершенной хронологической шкалой типов вещей золотоордынского и особенно дозолотоордынского времени. Все гораздо сложнее. В частности, пока еще очень проблематично разделять на фазы некоторые культурные явления, фиксируемые, например, в погребальном обряде и “обслуживающиеся”, как правило, не только одними и теми же категориями инвентаря, но и идентичными типами вещей. Появившись в половецкое время, то или иное культурное явление, пусть и в несколько видоизмененном виде, могло сохраняться и в золотоордынский период. Проблема анализа материала состоит в том, что в разных регионах Степи одни и те же процессы в силу специфических культурно-исторических и природных условий проходили со своими особенностями. Но при этом часть культурных явлений и сопровождающий их материальный мир оставались по своей сути неизменными, хотя эпоха была уже другой, со своими тенденциями.

В настоящем сборнике представлено 20 работ из 5 стран: России (11 статей), США (4), Великобритании (2), Украины (2), Болгарии (1). Взятый с первого тома “Степей” курс на формирование редакторского портфеля статьями, с широким привлечением смежных исторических и точных наук, продолжен. Поэтому не случайно, что в данном томе вновь оказались материалы по антропологии и нумизматике; впервые появились статьи по реставрации костюма, исторической этнографии, ранним формам религии и истории монгольских завоеваний.

По сравнению с предыдущими значительно расширилась и география представляемого тома, достигнув Северной Америки. Произошло это благодаря тому, что в него включены работы известных кочевниковедов, ранее опубликованные на английском языке. Перевод этих статей осуществил В.П.Костюков (Челябинск) – специалист по археологии и истории поздних кочевников Евразии. При редактировании переводов большой объем работы проделан Д.В.Пилипенко и Т.М.Потемкиной.

Открывает сборник статья **М.Г.Крамаровского** “Улус Джучи (1207-1502). Заметки о культуре Дешт-и Кыпчак в эпоху Чингисидов”. Автор предлагает модель трехэтапного культурного развития. В раннеджучидский период (1207-1250 гг) идет становление Чингисидской империи. Как указывает исследователь, выделение этого этапа для понимания культурного наследия первых поколений джучидов, давших толчок к становлению собственно золотоордынской культуры, трудно переоценить. Для среднеджучидского периода (2-я пол. XIII – первые две трети XIV в.) в связи с нарастанием исламского влияния на рубеже XIII-XIV вв. характерен отказ от ценностей поколения основателей Джучидского государства. В период поздней Золотой Орды (50-60 гг XIV – XV в.), когда городской вектор в культуре Джучидов оказывается, на первый взгляд, подчинен исключительно исламским ценностям, тюркский доисламский пласт в духовной культуре все еще продолжает жить.

Статья **Э.Д.Зиливинской** “Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища” посвящена материалам неординарного жилищного комплекса, раскопанного в 1995-2000 гг. Это всего лишь четвертый усадебный дом, исследованный на Селитренном городище полностью. Строился он в несколько этапов и в разной технике. Как известно, усадьбы феодальной знати и зажиточных горожан золотоордынских городов занимали значительную площадь и состояли из дома владельца, жилищ прислуги и хозяйственных построек, что нашло подтверждение в данной работе.

Следующая статья – “Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака” **А.Н.Масловского** – посвящена хозяйственному помещению богатого жилища, где проживал торговец зерном. Это первый объект, который может быть связан с событиями известного конфликта между итальянцами Азака и властями Золотой Орды осенью 1343 года. Находки из жилища хорошо отражают наиболее характерные особенности керамического комплекса Азака данного периода: уменьшение доли лощеной и орнаментированной керамики золотоордынских центров; замещение византийской поливной керамики продукцией городов Юго-Восточного Крыма; присутствие хорезмийской штампованной керамики; значительное количество сосудов из Маджара; наличие нескольких серий поливных чаш восточно-крымского производства.

Завершает блок работ о жилищах золотоордынских городов статья **В.В.Плахова** “Дворцовые здания конца XIV века у поселка Комсомольский в Астраханской области”. Исследованные остатки входили в состав архитектурного ансамбля, возведенного при хане Токтамыше. Композиционный план зданий, уходящий своими истоками в Китай, в условиях Золотой Орды был положен в основу дворцовых сооружений нового типа, где переплетались среднеазиатские и центральноазиатские традиции.

В четырех статьях сборника представлены очень интересные памятники кочевников, обнаруженные в различных районах Степи. Один из них исследован в 2002 г в Шемякинском курганном могильнике в бассейне р.Урал. Этому комплексу посвящена статья **И.В.Матюшко** “Захоронение бальзамированного воина XIII-XIV веков на левобережье Иртека”. Речь идет об уникальном погребении тюркского воина, останки которого прекрасно сохранились. Характер бальзамирования с помощью ртути и наличие алебастровой обмазки свидетельствуют, как считает автор, о связи этого погребения с каким-то восточноазиатским городским населением.

Своеобразный погребальный симбиоз, не имеющий аналогов в золотоордынской археологии, рассматривается в статье **В.А.Бабенко** “Курганно-грунтовой могильник золотоордынского времени Золотаревка-3”. Всего на памятнике было исследовано 30 погребений: ранние погребения обнаружены внутри кольцевых ровиков, а относительно более поздние совершены вокруг ровиков, образуя неправильные ряды. Публикуемый материал отражает начало коренной смены погребального обряда у населения Центрального Предкавказья во 2-й пол. XIV – нач. XV в., обусловленной оседанием кочевников на землю.

Еще одному неординарному позднекочевническому комплексу посвящены две статьи. В одной из них – “Рядовое” позднекочевническое погребение с нерядовым обрядом из кургана 2 группы Токовские Могилы на Правобережье Днепра” – **А.В.Евглевский, Н.М.Данилко и С.А.Куприй** дают развернутую характеристику погребального обряда памятника. В статье **Т.Н.Крупы** “Исследование костюма золотоордынского времени из кургана 2 группы Токовские Могилы” в результате исключительно кропотливой работы удалось установить, что умершая была одета в шелково-кожаную рубаху, кожаный жилет, а также в два халата – нижний и верхний. Использование в костюме дорогих высококачественных тканей, выполненных по китайской технологии, а также золотого декора свидетельствует о том, что в погребении обнаружены фраг-

менты костюма представительницы золотоордынской знати. Комплексный и детальный анализ материала раскрывает перед исследователями целый ряд перспектив, включая историко-культурные обобщения.

В сборник традиционно включен материал по палеоантропологии. На этот раз представляем работу **Л.Т.Яблонского** “К палеоантропологии средневекового населения Поволжья”. Автор пришел к выводу, что у населения золотоордынских городов преобладали европеоидные черты, а монгольский компонент был незначительным. Почти прямо противоположная тенденция, по его мнению, наблюдается в материалах кочевой Степи. Именно в золотоордынскую эпоху начинается процесс, который в дальнейшем привел к стиранию старых этнических границ между группами домонгольского населения Поволжья.

Блок из семи работ, базирующихся не на археологических, а на письменных источниках, отражает различные аспекты истории тюркских и монгольских кочевников. Примером тонкого разграничения в нарративных памятниках сообщений с этнической, обрядовой и социальной окраской, близких по форме, но разных по содержанию, а также их всестороннего сравнения между собой является статья **А.Г.Юрченко** “Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года)”. Автор совершенно справедливо указывает, что массовый археологический материал евразийских кочевников XIII-XIV вв. не находит соответствия в средневековых описаниях. Это означает, что францисканцы в своих дневниках, как правило, сообщали не о повседневном быте кочевников, а об обрядах и церемониях знати, которые в той или иной степени представляли собой тайны Монгольской империи.

В статье “Формы жертвоприношений лошади у монголов в XIII-XIV веках” **Дж.Э.Бойл** попытался доказать, что традиция выставления шкуры лошади в качестве жертвы Богу Неба, являвшаяся едва ли не основной формой жертвоприношения у средневековых кочевников, у тюркских и финно-угорских народов на Средней Волге дожила до XVIII в., а среди алтайских тюрков – вплоть до настоящего времени. Относительно же монголов Дж.Э.Бойл убежден, что традиция воздвижения над могилами на шестах шкуры лошади, по всей видимости, практически исчезла в эпоху Золотой Орды. Он подчеркнул, что этот обряд не следует путать с другими формами жертвоприношения лошади, поскольку они отличаются по своему содержанию.

Теме религиозных представлений у кочевников Евразии посвящена еще одна работа **Дж.Э.Бойла** “Тюркский и монгольский шаманизм в средневековье”. Основное внимание автора обращено на принципиальные отличия в тюркских и монгольских культурах обрядовой практики шаманов, а также на разное смысловое наполнение в них термина “шаман”. Показывая особенности данного культурного явления, Дж.Э.Бойл вывел свое исследование за рамки тюркско-монгольского мира. Центральными сюжетами статьи стали обряды вызывания дождя в мирных и военных целях с помощью камня “яда”, а также обряд очищения огнем.

Фундаментальная статья **П.Б.Голдена** “Религия кыпчаков средневековой Евразии” в очередной раз показывает существование огромного количества вопросов в сфере мировоззрения кочевников, которые до сих пор остаются нерешенными. Ученый указывает, что шаманизм являлся доминирующей религиозной практикой кыпчаков до XIV в. и был несовместим с централизованным государством. В то же время автор убежден, что шаманизм не был причиной кыпчакской безгосударственности, а лишь одним из ее признаков. Начало распространения в Степи универсальной монотеистической религии не стало предпосылкой формирования государства. Смена идеологии проходила как естественная часть этого процесса уже после того, как возникли ростки государственности.

Анализу мотивов и стратегических приоритетов монгольского завоевания посвящена статья **Т.Т.Оллсена** “Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217-1237 годах”. Т.Т.Оллсен утверждает, что во время широкомасштабной военной кампании монголов в период правления Чингиз-хана и Угедея основной их стратегической целью была унификация социально-политического устройства и военная мобилизация кыпчаков. Последние, как известно, были наиболее многочисленными из всех степных племен и, к тому же, оставались единственными, кто еще сохранял независимость. Следовательно, покорение кыпчаков, а не завоевание Руси, по мнению Т.Т.Оллсена, было главной целью западной кампании монголов, начавшейся в 1236 году. Автор подчеркивает, что раздробленная Русь не воспользовалась для укрепления своего положения трудностями, которые возникли у монголов во время покорения Волго-Уралья.

Еще одним не менее важным исследованием, посвященным монгольской кампании на Запад, является статья **Д.Синора** “Монголы на Западе”. Ученый убежден, что для такой экспансии у монголов не было столь благоприятной почвы, как это обычно излагается в литературе. В первую очередь этому мешали постоянные и почти неизбежные нестабильные экономические и социальные отношения, складывавшиеся в результате конфликтов между Китаем и кочевыми империями Монголии. Автор считает, что завоевание монголами западных регионов Восточной Европы, а также наиболее желанного ими Ирана может быть

расценено как побочный продукт личных амбиций и ошибок (например, предоставления армиям свободы действий) недалеконидных правителей. Одним из основных выводов статьи стало утверждение, что монголы как бы передали свое видение Мира в наследство России, начавшей расширяться на Восток и Юг более интенсивно, чем на Запад. Исследователь небезосновательно, на наш взгляд, предположил, что свойственная русским сбалансированная оценка важности Европы и Азии и бóльшая, по сравнению с западноевропейцами, расовая терпимость должны считаться наследием монгольского мировосприятия.

О роли кыпчаков в политической истории евразийских территорий и, прежде всего, Ближнего Востока, а также об их исторической судьбе как этноса идет речь в работе **Ч.Дж.Гальперина** “Кыпчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут”. Подводя итоги, исследователь высказал очень интересную мысль: “есть некоторая ирония в том, что кыпчаки, давшие монголам повод для вторжения в восточнославянские земли и Венгрию, обеспечивавшие кадрами войска и чиновный аппарат Джучидов и Юань, одновременно явились той силой, которая предотвратила дальнейшее продвижение Ильханидов на Ближний Восток”.

Четыре работы по джучидской нумизматике являются завершающим блоком сборника. Три из них написаны с участием нашего постоянного автора – ориенталиста-нумизмата **В.П.Лебедева**. В статье “Судьба ордынских поселений Волго-Сурского междуречья в XIV веке по нумизматическим данным” исследователь подробно проанализировал денежное обращение большого региона Золотой Орды, удаленного от Сарая. Опираясь на 83 изданных клада джучидских дангов, он построил зависимость числа кладов от даты сокрытия, на которой выявились два четко выраженных пика в 761-765 и 796-800 гг.Х.

В статье **В.П.Лебедева** и **В.М.Павленко** “Монетное обращение золотоордынского города Маджар” рассмотрен комплекс, состоящий из 4350 монет, собиравшихся на городище с 1967 года, к которому в 2004-2005 гг добавилось еще около 500 монет. Наличие в коллекции продукции 18 монетных дворов Золотой Орды, представленной в разном соотношении, позволило проследить, какими монетами обеспечивалось денежное обращение Маджара в разные периоды его существования.

Третья работа **В.П.Лебедева** “Денежное обращение Курской земли в золотоордынское время” подготовлена совместно с **А.В.Зориним**. Основным результатом исследования стало выделение двух смежных районов распространения джучидских монет. Первый из них определен в границах от верховьев р.Рать на востоке до района г.Льгова на западе, что соответствует упоминаемой в письменных источниках Курской тьме, центром которой следует считать Ратский археологический комплекс. Второй район находится южнее – в верхнем течении р.Псел.

Еще одна статья по нумизматике “Клад с джучидскими монетами из местности «Равна Гора» у села Оброчище вблизи Балчика” принадлежит перу нашего болгарского коллеги **Л.Лазарова**. Хотя исследованный клад конца XIII в. состоит всего из 16 монет, тем не менее, он очень интересен своим составом. По крымской монете 695 г.Х. сокрытие клада автор датирует 2-й пол.90 гг. XIII в.

Мы надеемся, что сборник, содержащий разнообразнейший фактический и аналитический материал, послужит хорошей базой для дальнейших исследований специалистов и будет полезен всем интересующимся средневековой историей Восточноевропейской Степи.

А.В.Евглевский

Археологическая научно-исследовательская группа, подготовившая сборник, благодарит декана факультета иностранных языков В.Д.Калиушенко, доцента кафедры английской филологии Т.Я.Волкову и всех тех, кто так или иначе способствовал его выходу в свет. Особые слова благодарности адресуем декану филологического факультета Е.С.Отину, чью всестороннюю помощь и моральную поддержку мы получаем уже на протяжении многих лет.